Т.Н. КИРИМОВ,
аспирант очного обучения
кафедры крымскотатарской и
турецкой литературы РВУЗ "КИПУ"
E-mail: tairk@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОСТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖЕМИЛЯ КЕРМЕНЧИКЛИ

У статті аналізовано загальний стиль художніх творів Джеміля Керменчіклі. Виявлені лексичні та лінгвостильові смаки поета. Разом з тим була приділена увага історії розвитку кримськотатарської літературної мови у період діяльності Дж. Керменчіклі.

Ключові слова: *стиль, лексика, пантюркізм, період танзимата.*

В статье проанализирован общий стиль художественных произведений Джемиля Керменчикли. Выявлены лексические и лингвостилевые вкусы поэта. Вместе с тем было уделено внимание истории развития крымскотатарского литературного языка в период деятельности Дж. Керменчикли.

Ключевые слова: *стиль, лексика, пантюркизм, период танзимата.*

In the given article the author gives an analysis of the general style of works of Dzhemil Kermenchikli. Lexical and linguostylistical preferences are revealed. At the same time the author pays a great attention to the history of development of Crimean Tatar literary language during the period of Dzhemil Kermenchikli's creative activity.

Key word: *style, vocabulary, Panturkizm, period of Tanzimat.*

Поэтические произведения Джемиля Керменчикли, отображающие исторические реалии, отличаются своей неповторимостью. Тематический круг его стихотворений, охватывающий различные социальные явления из жизни крымскотатарского народа, пленит читателя художественным оформлением; философским осмыслением человеческого бытия, излучением энергетической силы.

Проводя наблюдения над художественным языком поэта, первое, на что мы обращаем внимание, это яркие языковые контрасты, отражающие исторически сложившиеся социально-идеологические позиции литературных школ в Крыму в период литературной деятельности Джемиля Керменчикли.

Как мы отмечали в первой главе II части, Джемиль Керменчикли долго искал ту стабильную форму, которая могла бы определять языковой идеал крымскотатарской народной интеллигенции, оказавшейся на распутье между пантюркистскими и протатарскими идеологическими настроениями. Язык крымскотатарских художественных произведений терпит константные колебания между западно-тюркским и северно-тюркским наречиями. Однако эта тенденция в национальной печати получила развитие больше в поэзии и прозе, чем в публицистике. Необходимо отметить, что язык в информационно-публицистических материалах, публикуемых в народной прессе, в частности, в газетах "Terciman" (1883 — 1918 гг.), "Millet" (1917 — 1920 гг.) и "Qırım ocağı" (1917), носит канонический характер, определяемый западно-тюркской, то есть Стамбульской языковой нормой.

Так, например, крымскотатарский поэт, ученый, общественный деятель начала XX века Амди Гирайбай в приложении к своей научной работе "Qırım tarihi" ("История Крыма") [1; 15, s. 20 — 21; 31, s. 233] обращает внимание на становление новой крымскотатарской

литературы в период с 1905 по 1917 годы. Здесь он описывает три основные, сформировавшиеся в эти годы, литературные течения.

Первая школа, отмечает А. Гирайбай, образовалась во главе с поэтом-народником Усеином Шамилем Тохтаргазы. Главными его последователями в то время стали Асан Чергеев и Гафар Шерефеддин. Они, как и их идейный наставник, осваивали формы русской классической литературы и культивировали свои местные наречия.

Представители второй школы сформировались под влиянием таких видных литературных деятелей и культурно-просветительских идеологов в Турции, как Ибрагим Шинаси и Намык Кемаль. По преимуществу это молодые преподаватели-писатели, получившие образование в Турции. Среди них, продолжает А. Гирайбай, были Джафер Сейдамет, Асан Сабри Айвазов и Джемиль Керменчикли. Подражая Шинаси и Кемалю, они писали свои произведения на западно-тюркском — стамбульском наречии [1, с. 19]. Необходимо отметить, что эти сподвижники турецкой культуры, провозглашая новое реформистское течение "Tanzimat"[1], сыграли немаловажную роль в становлении модернистской европеизированной турецкой литературы. Период *танзимата* в истории Турции обозначился как эпоха преобразований и реформ, носящих экономический, политический, административный характер. Для турецкой литературы время *танзимата* оценивается как период критического переосмысления идеологически устаревшей классической литературы и реформы языка, который, по мнению реформаторов, был призван сблизить турецкую литературу с народом [3, с. 23 — 35; 8, с. 8 — 15; 32].

Нейтральными в выборе языка оказались позиции третьей литературной школы во главе с Номаном Челебиджиханом. Члены школы благосклонно относились и к западно-тюркскому, и к местному, по большей части степному, наречиям. Западно-тюркское наречие, как мы отметили ранее, представлялось в осмыслении школы — газетным, канцелярским, а местное — стилем художественных произведений.

Подобная языковая дифференциация сохранялась до 1915 года, то есть до тех пор, пока не ослабла идеологическая эмпатия Крыма к Турции и не возникла новая волна влияний со стороны Казани. Сравнительно возросший авторитет Абдуллы Тукая, а вместе с ним и его народного северно-тюркского наречия, обеспечили главенство представителей местного, то есть крымского, степного наречия над остальными существующими в Крыму языковыми влияниями [15].

Таким образом, при изучении поэтического языка Джемиля Керменчикли этот феномен представляется нам одним из факторов исторического формирования литературного языка в Крыму.

Наряду с литературными тропами и поэтическими фигурами, которые имеют немаловажное значение в процессе создания общей картины художественных образов, язык и лексика призваны быть неким рецептором, с помощью которого реципиент испытывает неповторимое наслаждение изысканным вкусом и эмоциональной красочностью, коими насыщено художественное произведение. Между поэтом и читателем происходит некий интимный диалог. В этом процессе обе стороны ощущают взаимное эстетическое эмоциональное обогащение. Таким способом мы получаем эстетическое наслаждение образностью, национальным колоритом, лингвистическим вкусом художественного и, прежде всего, национального языка литературных памятников, завещанных нам, к примеру, такими известными классиками крымскотатарской литературы, как Н. Челебиджихан, Б. Чобан-заде, А. Гирайбай, А. Чергеев, М. Нузет, А. Кадри-заде, А. Одабаш, и другими представителями крымскотатарской интеллигенции в довоенном Крыму. Поэзия, как верно заметил Кулаков, это факт языка, его эстетическое измерение [7, с. 92].

Исследователь подходит к данному вопросу с научной точки зрения: проводит анализ и синтез произведений избранного автора, как в отдельности, так и в общей их совокупности. Погружается в суть художественного текста, с целью изобличить неприметные для простого взора составные части исследуемого материала. При текстологическом анализе мы также обращаем внимание на языковые и лексические явления в тексте произведения с точки зрения их эволюции в системе исторических, социальных и личностных факторов, сказывающихся на литературном творчестве исследуемого художника. Находим новые смысловые акценты, определяющие отношение художника к действительности.

Следуя опыту В. М. Жирмунского, А. А. Потебни, В. В. Виноградова, Т. Г. Винокура и других ученых-филологов [2; 4; 5; 9; 10; 13] в исследовании литературных произведений, удостоверяемся в том, что изучение художественного текста не должно быть сконцентрировано лишь на формальном языке

1 Tanzimat (*от араб.* tanzim — упорядочение) — *принятое в литературе название реформ в Османской империи в 1839 — начале 70-х гг. XIX века, способствовавших зарождению капиталистических отношений.* — В кн.: Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2004. — 1456 с.— С. 1179.

произведения. Ибо индивидуальность художника слова, можно установить только посредством комплексного анализа. В таком случае возникает вопрос о нераздельности понятий *язык* и *стиль*. Этимологическое значение термина *стиль* — "палочка для письма на восковых дощечках". Слово *стиль* в переводах древнегреческих текстов по античной риторике более приближено к значению *характер — character* (по Дионисию) [12, с. 10]. Определение стиля как *характера* ближе для общего понимания данного термина и лучше раскрывает суть проблемы. Ведь подобно тому, как мы, близко общаясь с индивидуумом, начинаем замечать в нем определенные качества, присущие только его внутреннему миру, так и при глубоком изучении художественного произведения мы устанавливаем индивидуальные черты языка. В результате определяем психологию, образ мышления художника. Это особенно важно при выведении собраний сочинений из состояния *dubia*[2], при определении психологии поэта, в частности, Джемиля Керменчикли как классика крымско-татарской литературы.

Лексический фонд Джемиля Керменчикли характеризуется насыщенностью слов арабского и персидского происхождения; элементами религиозной мусульманской терминологии. Мы определили следующие группы:

- наименования небесной иерархии: *Cebrail — Гавриил, Mikail — Микаил, Azrail — Азраиль, İsrafil — Исрафил*;
- атрибуты богословского учения: *Qur'ân — Коран, Heft-i yek* — учебник для изучения сур из Корана, *İlm-i hâl* — сборник религиозно-житейских правил, обязательных для мусульманина;
- коранические образы потустороннего мира: *cennet-i me'va* — райский сад, *cehennem* — геенна, *havz-ı kevser* — райский источник, *arş-ı a'lâ* — эмпиреи;
- элементы богослужения: *duâ* — молитва;
- цитаты из священных мусульманских книг, свидетельствующие о том, что поэт, будучи выпускником ведущих религиозных учебных заведений того времени, хорошо владеет теоретическими и практическими знаниями об учении Ислама.

Часто употребляемые им в контексте слова-образы, отражающие мотивы мусульманской *эсхатологии*[3], в большинстве случаев окрашиваются в сугубо политический национальный фон:

"...Cebrail saña şahidlik iderse,
Mikail de qısmetimi keserse,
Azrailin elinde qılınc kelüb
İsrafil de soñ surını üflerse,
Haqqıñ huzurında biñ yıl yatarım
Red iderse, zorle derim: "Tatarım!"

Arş-ı a'lâ ahirete inerse,
Levh-i mahfuz köz ögüme kelirse,
Yedi cehennem, sekiz cennet, bir sırat
Havz-ı kevser "Tatar degilsiñ" — dirse,
Cümlesini bir tarafa atarım!
Cehenneme kitsem, yine tatarım!" [6, s. 85 — 87; 27].

("Tatarım", 1918).

Построчный перевод:

"...Если снизойдет к тебе Гавриил с откровением,
Микаил лишит насущного хлеба меня,
Азраиль придет с мечом в руке,
Протрубит судный день рог Исрафила,
В ногах Владыки мольбу свою увековечу.
А не согласен будет, из последних
сил воскликну: "Татарин я!"

Если эмпиреи сгинут во тьме потусторонней,
Книга судеб передо мной предстанет,
Рай с геенной одним мостом объединятся,
Устье райское объявит мне: "Ты не татарин",
Отброшу в сторону всех разом!
В геенну угожу — я снова татарин!"

("Татарин я", 1918).

В данном фрагменте, несущем в себе целую серию коранических образов, ярко очерчена трансляция продолжительной экспансивной напряженности, которая пронизывает все стихотворение. Рефрен "tatarım", заключающий каждую строфу, еще более усиливает основную идею стихотворения. Благодаря этой устойчивой парадигме каждый эпизод в стихотворении обретает невероятную способность идеологического воздействия на подсознание реципиента. Лексическое значение слова "Tatar" перерастает в произведениях Джемиля

2 Dubia (*от лат.* dubius — сомнительный, ненадежный) — *раздел собрания сочинений классиков литературы, в котором печатаются произведения, принадлежность которых данному автору не доказана (остается спорной).* — В кн.: Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / Сост. Ю.Б. Бореев. — М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. — 575 с. — С. 123.

3 Эсхатология (*от греч.* eschatos — последний, конечный и ... *логия*) — *религиозное учение о конечных судьбах мира и человека; учение о конце света и конце времен, которыми в соответствии с линейной концепцией времени, завершится история.* — В кн.: Большой энциклопедический словарь. — М.: Большая российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2004. — 1456 с. — С. 1415; **Лобье Патрик де.** Эсхатология / Пер. с фр. Н. Зубкова. — М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2004. — 158 с. — С. 5.

Керменчикли в символ народности — *Millet*, и превращается в главное орудие влияния на национальное самосознание крымскотатарского народа. Само же стихотворение, в полном его объеме, содержит множество примеров олицетворения. Например, это персонификация различных явлений природы, с которыми художник входит в острую полемику:

"Baş üstümde dolaşıyur bir bulut,
Bana diyur: "Tatarlığı sen unut!"
Hayır dostum, sen bu dertden fariğ ol
Şu sözleri haturiñda eyi tut:
"Sen ne dirseñ — tatar oğlı tatarım,
Tatarlıqdır mâ-bih-il iftihârım!".

Lâtif bahâr rüzgârı küserse,
Dört tarafdan acı yeller eserse,
Yerler, kökler, dağlar, taşlar, deñizler
Yüz çevirüb yollarımı keserse,
Yol aramam, ortalıqda yatarım,
Ama derim: "Tatar oğlı, tatarım!.."
[6, s. 85; 27].
("Tatarım", 1918).

Построчный перевод:

"Над головой моей [все] кружит туча,
Все вторит мне:
"Забудь про татарство!"
Нет, друг мой, откажись
от [мысли] больной,
Запомни лучше вот эти слова:
"Что ни говорил бы ты — татарин,
татарина я сын!
Татарство — гордость моя!".

Если рассердится нежный
весенний зефир,
Со всех сторон задуют жгучие ветры,
Земля, небеса, горы, камни, моря
Отвернутся от меня, встанут
на пути моем,
Я не буду искать иного пути,
упаду посреди [них],
Но скажу: "Татарин, татарина
я сын!..".
("Татарин я", 1918).

Материал представленных фрагментов, а также отрывков других стихотворений, которые будут использованы при изучении языка и стиля произведений Джемиля Керменчикли, показывает, что манера письма этого художника, наряду с другими писателями исследуемого периода, больше тяготеет к книжному, официальному, стилю. Как художественные, так и публицистические произведения Керменчикли свидетельствуют, что язык писателя в большинстве случаев однороден, то есть, обусловлен западно-тюркским — стамбульским наречием. Следует заметить, что поднявшийся в те годы ажиотаж вокруг суждений о принадлежности крымского народа к татарской или тюркской языковой группе однозначно предопределял и политическую подоплеку. Например, сторонники пантюркизма организовали так называемые очаги тюркизма — "Turk ocaqları", которые яростно и, следует отметить, справедливо отстаивали этническую принадлежность крымских татар к огузским корням, нежели монгольским. С другой стороны, враждебное отношение оппозиционеров друг к другу порождало излишнюю чувствительность в этническом социуме. Случались такие эпизоды, когда в пределах очагов строго воспрещалось говорить на северно-тюркских наречиях. Одним из сторонников пантюркизма в Стамбуле Зиёй Гёк-Альпом даже была сложена следующая формула:

"G"li sözler emmeyiz,
Çocuk değil, memeyiz" [14, s. 14].

Смысловой перевод:

"У нас язык не поворачивается выговаривать слова с буквой "Г",
Мы не [грудной] ребенок, мы те, кто кормит его".

Сторонники *протатарства*, в свою очередь, старались отгородить народ от "угрозы" вновь очутиться под давлением Турции. Они намеревались синтезировать наречия казахских, киргизских, поволжских и других тюрков северной языковой группы. При этом они даже не подозревали, насколько сложным может оказаться вопрос об объединении в общий языковой союз фонетически и лексически малосовместимых народных говоров. Эта идея заранее была обречена на провал. Тем не менее, цель обеих сторон была общая: объединить тюркский мусульманский мир. Джемиль Керменчикли также стремился к объединению тюркских народов. Однако им был выбран уже проверенный ханским периодом путь, и путь авторитетной во всем мусульманском мире газеты "Terciman" и ее издателя И. Гаспринского.

Таким образом, обращаясь к вопросу о состоянии языка и учитывая наблюдения А. Гирайбая над эволюцией исторического формирования литературного языка в Крыму, мы считаем уместным привести точку зрения А. Н. Самойловича. В отчете о результатах этнографической экспедиции в Крым в 1916 году ученый-тюрколог детально описывает особенности формирования литературного языка и замечает: *"... Как свидетельствуют старинные крымскотатарские письменные памятники, и письменный крымскотатарский язык принадлежал первоначально к*

западно-турецкой группе[4]. *Впоследствии в связи с политическим и культурным сближением Крымского ханства с соседней Османской державой письменный крымскотатарский язык усвоил южно-турецкий характер как в грамматическом, так и в словарном отношении и, таким образом, в настоящее время он мало отличается в этом отношении от османско-турецкого языка. Главное отличие современного крымскотатарского письменного языка от османско-турецкого заключается в простоте стиля: ему чужды сложные османско-турецкие периоды и чрезмерное пользование иноязычным, арабско-персидским словарным материалом...*" [11, с. 101]. Однако, характеризуя письменный стиль крымскотатарского языка как общедоступный, ученый, как бы спохватившись, дополняет: "*...но и про крымскотатарский литературный язык, не совпадающий вполне с материнским языком крымских татар обеих групп*[5], *приходится на основании личных наблюдений сказать, что во всем своем объеме он становится понятен крымским татарам только после специального его изучения. Те из моих слушателей, которые не прошли мусульманской школы, испытывали затруднения при чтении даже простых родных литературных текстов из-за встречающихся в этих текстах арабских и персидских слов, не вошедших в разговорный обыденный язык...*" [11, с. 101 — 102].

Отметим, что в творчестве Джемиля Керменчикли встречаются моменты, когда он ввергает реципиента в затруднительное положение перед осмыслением своего несколько усложненного поэтического словаря. Несмотря на то, что его стихи преисполнены неподдельной преданностью к простонародью и изначально призваны регламентировать интересы всего народа, язык его не интересен малограмотным слоям общества. В лексиконе поэта встречаются малоиспользуемые в обычной разговорной речи слова, как: *merhem (араб.)* "мазь"; fasıq, facir *(араб.)* "грешник, развратник". Изафетные словосочетания арабского или персидского происхождения: "*cennet-i me'va*" — cennet *(араб., рел.)* "рай"; me'va *(араб.)* "приют, кров, убежище". *Cennet-i a'lâ* — a'lâ *(араб.)* "более высокий, высший".

Например:

"...Ensem oradan *cennet-i me'vaya,*
Begenmesem, çıqsam
cennet-i a'lâya..." [6, s. 99; 21].

("Esami cedveli yerine şiir", 1917).

Построчный перевод:

"...Оттуда опустился бы
в обитель райскую,
Не понравится — поднимусь к райским венцам...".

("Стих вместо поименного списка", 1917).

Пример сложного арабского словосочетания встречается в стихотворении "Tatarım": *"mâ-bih-il iftihâr"* что в переводе означает *"возгордиться"*. Позже, как мы уже отмечали, Джемиль Керменчикли заменяет данное словосочетание более простым — *"Benim iftihârım!"*:

"...Sen ne dirseñ — tatar oğlı tatarım,
Tatarlıqdır ma-bih-il iftiharım..." [6, s. 85; 27].

Построчный перевод:

"...Что ни говорил бы ты — Татарин, татарина я сын!
Татарство — гордость моя...".

Напряженная социально-политическая обстановка в Крыму, обусловленная постоянной сменой власти, кризисными явлениями в обществе, находящемся на переломном этапе между клерикально-консервативными и новыми прогрессивными идеологиями, отражается на переосмыслении поэтом языка произведений. В его речи наблюдаются резкие контрасты. То он рецитирует возвышенное: эпитеты *tatlı sedasıle* — "*сладким голосом, щебетаньем*", *günâhsız melekler* — "*невинные, безгрешные ангелы*", *güzel bir sabah* — "*прекрасное утро*", *seyir-gâh* — "*прекрасное зрелище*"; метафора *secde-gâh* — *"Мекка" сердец* и др.; то прибегает к язвительной гиперболизации.

4 По классификации тюркских наречий А. Н. Самойловича, южнобережное крымскотатарское наречие относится к группе южно-турецких (южно-тюркских — Т. К.) наречий, в состав которых входят туркменские, азербайджанские, а также османско-турецкие наречия и наречия персидских турок. Остальные крымскотатарские наречия и говоры относятся к западно-турецкой (западно-тюркской — Т. К.) группе. К последней группе примыкают наречия ставропольских, терских ногаев, терских балкаров, кубанских карачаевцев, дагестанских кумыков, поволжских татар и других. Классификации тюркских наречий, произведенные Ф. Е. Коршем и В. В. Радловым, отличаются от классификаций А. Н. Самойловича. По их мнению, южно-тюркские — западно-тюркские наречия. Наречия западно-тюркской группы — северо-тюркская группа. Того же мнения придерживаются и А. Гирайбай и Б. Чобан-заде. Нам более приемлемо мнение последних. — В кн.: **Самойлович А.Н.** Избранные труды о Крыме. Сборник / Ред.-сост. Е.Г. Эмирова; вступ. статья А.А. Непомнящего. — Симферополь: Доля, 2000. — 296 с. — С. 98, 102; Азиз шеитимиз Амди Гирайбайнынъ «Къырым тарихы» диссертациясынынъ иляveси: Къырым эдебиятына бир бакъыш // Йылдыз. — 1995. — № 3. — С. 18 — 20; **Çoban-zade B.** Kırımtatar edebiyatında Kurultaycılık ve milletçilik. — Bakı: Azerbaycan İlmi tedkik institutu neşriyatı, 1929. — 38 s. — S. 1 — 18.

5 Здесь имеются ввиду языковые группы городских, горных, а также степных крымских татар (Т. К.).

Для большей убедительности суждений о лингвистическом вкусе Джемиля Керменчикли проиллюстрируем конкретные факты языка поэта следующими примерами:

"Bu ne güzel bir sabah!
Asırlarle esaretde mahbus
qalan bülbüller,
Göñyüllere intibah
veren tatlı sedasıle durmayub ötüyurlar.

Bu ne güzel seyir-gâh!
Etrafında dolaşıyur hep
günâhsız melekler,
Göñyüllere secde-gâh
bu yer olsun! Bu bağçada
istenilsün dilekler..."
[6, s. 69; 30].

("Vatanımdan çıq", 1918).

Построчный перевод:

"Какое же это прекрасное утро!
Навеки заключенные в неволю
соловьи,
Заливаясь сладким щебетаньем,
Даруют пробуждение сердцам.

Какое же прекрасное зрелище:
Вокруг витают лишь невинные
ангелы.
Пусть это место будет [Меккой]
сердец,
Пусть в саду этом сбываются
желания..."

("Прочь из Родины моей", 1918).

Здесь же наблюдается переход
в грубое утрирование:

"Baq şu harabelere!
Oğursız ayağıñ bastığı yerlerde
ot bitmez
Sozul viranelere!
Gül dalında seni köre turub da
bülbül ötmez.

Ey, zeherli mikroblar!
Qalbiñizde yılan yatar, melek
kibi dursız.
Güllerimizi qoqlar,
Sizden soñra qoqlayanı zeherler,
öldürürsiz..."
[6, s. 69; 30].

Построчный перевод:

"Посмотри на эти развалины!
Там, где ступает твоя проклятая нога, не растет трава.
Обернись на эти руины!
Соловей на розовых кустах,
заметив тебя, умолкает.

Эй вы, ядовитые микробы!
Сами вроде ангелов, а в сердце
гнездится змея,
Вдыхаете запахи наших роз,
А тех, кто после вас вдыхает,
отравляя, убиваете...".

В приведенных эпизодах стихотворения "Vatanımdan çıq!" ("Прочь из Родины моей!") мы видим, как поэт методом столкновения двухполюсных контекстовых семантических материй намеренно добивается яркой контрастности в сюжете.

Поэт, используя эстетически несовместимые образы (заключенные в неволю соловьи своим щебетаньем пробуждают сердца; грузный ворон, переселившийся с дубовых ветвей на розовые кусты, своим присутствием утомляет непорочные сердца и превращает все вокруг в руины), создает общую картину исторических событий, происходящих в Крыму в 1918-е годы. Иносказательной речью, предвосхищает реципиента положительными результатами, кажущейся нам, культурной эмансипации крымскотатарских женщин, как общее достижение народа, и в то же время выражает негодование, критикует акты вандализма, вершимые германскими оккупантами в Крыму. Таким образом, поэт, обращаясь к геральдике словами: "*qartal = орел*" и "*meşe dalı = ветвь дуба*", характеризует составляющие элементы герба власти германцев.

Проиллюстрированные нами филиппические, то есть гневные высказывания поэта в адрес неприятеля переходят в яростные эмоциональные всплески, что пагубно влияет на эстетическую сторону языка. Примеры стихотворений "Vatan hainlerine qargışlarım" ("Мои проклятия изменникам Родины") и "Sevin, ey, sanlı millet!" ("Ликуй, эй, славный народ!") достаточно ярко иллюстрируют языковые различия в произведениях поэта:

"*Lânet size ey, zeherli yılanlar,*
Yüregiñizi biylesün çayanlar.
Tamırıñıza kükürt soyı yürüsün,
Ağızıñızdan taşsun qara qanlar.

Yer yüzünden silsun sizi tufanlar,
Közüñizi tutsun temiz vicdanlar.
Bilmem, daha ne istersiz milletden
Yetişmedimi virdigi qurbanlar?

Yetişir bu milletiñ sayesinde
Taqındığıñız çeşit-çeşit unvanlar.
Def ol gidiñ bu milletin başından,
Yeriñiz olsun qaranlıq zindanlar.

Nedir bu zavallı milletiñ suçü?
Size yetişmezmi belleysiz küçü?

Tutsa eger yaqañızdan, bir yere,
Qıyamete qadar kelmez iki üsü"
[6, s. 67; 29].
("Vatan hainlerine qarğışlarım", 1917).

Построчный перевод:

"Будьте вы прокляты, эй,
ядовитые змеи,
Пусть кишат в вашем нутре
скорпионы.
Сера расползется по вашим корням,
Изо рта прольется черная кровь.

Пусть с лица земли сотрет вас
потопом,
Срамоту познают ваши глаза.
Что же вам надо еще от народа,
Не хватает разве [их] жертв?

Достаточно от имени народа
Навешали себе всяких чинов.
Сгиньте [прочь] от народа,
Ваше место в затхлых темницах.

В чем же виновен этот бедный народ?
Думаете, на вас не хватит сил?
Вот схватит вас за шиворот...
Счетов не свести вам до судного дня".

("Мои проклятия изменникам Родины", 1917).

Таким образом, *филиппика*, как гневная, обличительная речь, в противоположность *панегирике*[6], по традиции отождествляющейся с восхвалением, находит особое место в творчестве Джемиля Керменчикли. Сознательно сужая хронологические рамки избранных стихотворений автора до самой точки апогея творческой деятельности поэта (1917 — 1920 годы), мы обнаруживаем, что за короткий, но для Крыма достаточно интенсивный революционный и постреволюционный промежуток времени автор проделал большую работу по созданию богатой коллекции экспрессивных, филиппических по содержанию, речевых форм. Добиваясь большей силы выразительности и реальности эмотивного пространства поэтического произведения, он насыщает текст эмоционально-риторическими паузами и риторическими фигурами, подчиняет лексический строй стиха образно-звуковой системе. Например, в стихотворении "Sevin, ey, sanlı millet!" ("Ликуй, эй, славный народ!"), написанном по случаю свершившейся Февральской революции, язык приближен к *анти-одическому* жанровому стилю. По определению А. Гирайбая, стихотворение испытывает некоторое воздействие литературы периода *танзимата*. В нем присутствуют те же элементы анти тиранического, гражданского пафоса, которые прослеживаются в творчестве И. Шинаси и Н. Кемаля. Причем Н. Кемаль, являясь одним из первых в турецкой поэзии, кто нарушил многовековую традицию, внеся в свои стихи элемент политической борьбы, все же не совсем был готов к тому, чтобы изменить в своем творчестве, в отличие от Дж. Керменчикли, традиционную средневековую форму и язык стихотворений [3, с. 35]. Например, среди его стихов имеются *касыды*[7] (оды). Несмотря на то, что они содержат, гневное словесное бичевание властьимущих, заменившее панегирический стиль, язык, все же сохраняет элементы старой османской поэзии [3, с. 8].

Вот один короткий эпизод из касыды:

"...Biz ol nesl-i kerim-i dûde-i Osmâniyânız kim
Cihângirâne bir devlet çıkardık bir aşiretten.

Biz ol ulvi-nihâdânız ki meydân-ı hamiyyette
Bize hâk-i mezâr ehven gelir hâk-i mezelletten.

Ne gam, pür-âteş-i hevl olsa da gavgaa-yı hürriyyet!
Kaçar mı merd olan bir cân için meydân-ı gayretten

Kemend-i cân-güdâzı, ejder-i kahr olsa cellâdın
Müreccahtır yine bin kerre zencir-i esâretten.

Felek, her türlü esbâb-ı cefasın toplasın gelsin
Dönersem kahbeyim millet yolunda bir azimetten..."
[16, s. 68 — 70].

Построчный перевод:

"...Мы — то славное наследие Османского рода, что
Из племени победоносно основало государство.

Мы из высших созданий, на поприще патриотизма
Нам предпочтительней могила, нежели низкая
трусость.

Не скорбно, если битвой за свободу овладевает
трепета пламень!

6 Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / Сост. Ю.Б. Бореев. — М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. — 575 с. — С. 287; Маслинова О.С. Словник філологічної термінології та номенклатури творів М.С. Грушевського. — Сімферополь: Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2002. — 256 с. — С. 241.

7 Kaside *(от араб. Касыда,— ода). Первичное предназначение касыды — восхваление собственного рода, племени, правителей, высокопоставленных чиновников, или же напротив — порицание вражеского неприятеля. Стихотворение по своей форме состоит из бейтов (двустиший). В среднем общее количество бейтов в одной касыде составляет минимум 33, максимум 99. Однако в отдельных поэтических произведениях количество бейтов достигает и более ста.* — В кн.: Büyük türkçe-rusça sözlük: 48000 kelime / Haz. A.N. Baskakov, N.R. Golubeva, A.A. Kâmileva, K.M. Lyubimov, F.A. Salimzyanova, R.R. Yusipova. — İstanbul: Multilingual, 1994. — 950 s. — S. 519; Osmanlıca-Türkçe Lugat. / Haz. Ferit Devellioğlu. — Ankara: Aydın kitabevi yayınları, 1997. — 1195 s. — S. 493; Banarlı N.S. Resimli Türk edebiyatı târihi. C. 1. — İstanbul: Milli Eğitim Basımevi, 1998. — 634 s. — S. 186 — 190.

Однако покинет ли храбрец ради
спасения души битву мужей?..

Мучитель если твой —
смертоносный аркан,
дракон-убийца,
То это лучше в тысячу раз,
чем путы неволи.

Пусть фатум прибегнет ко всем
способам истязаний,
Но быть мне изменником, откажись
я от пути народа...".

Одический язык Керменчикли также приобретает язвительные, а порой и вульгарные качества, но в нем уже отсутствует усложненный арабскими и персидскими изафетами османский язык средневековой дворцовой литературы.

"...Sevin, ey şanlı millet! Qırdıñ
esaret zincirini,
Sapla! hainlerin yüregine
kendi hanceriñi.
Onıñ demir pancasında çoq
çekiştiñ, iñlediñ,
Şimdi o da hazırlasun kendi
yatacaq yerini.

Vir! mikroblara, yesünler
cigerini, yüregini
Bıraq! köpeklere, kemirsünler
sasıq süyegini.
Onıñ qanlı tırnaqları arasında çoq sezildiñ.
Zamandır, bıraq! Cellâd virsün onlara keregini.

Bıraq! Biraz damarında dolaşan
qan qurusun.
Bıraq! Biraz zindanlarda
kemikleri çürüsün.
Bıraq! Biraz sürgünlerde bizim
kibi yürüsün.
Bıraq! Biraz közlerinde hasret qanı bürüsün" [6, s. 75 — 77; 25].

("Sevin, ey, şanlı Millet!", 1917)

Построчный перевод:

"...Ликуй, эй, славный народ!
Ты разбил цепи неволи,
Вонзи! Свой кинжал в сердце
вандалов.
Ты долго мучился, стонал
в их железной лапе,
Пусть и они сейчас готовят
могилу себе.

Отдай! Микробам, пусть они пожирают их нутро!
Брось! Псам, пусть обгладывают их зловонные кости!
Ты долго был у них меж облитыми кровью когтями,
Пора, брось! Палач воздаст им за все.

Брось! Пусть немного и в их жилах
попортится кровь,
Брось! Пусть немного погниют и их кости
в темницах,
Брось! Пусть немного, как и мы, поскитаются
по чужбине,
Брось! Пусть немного и в их глазах отобразится
тоски печаль".

("Ликуй, эй, славный народ!", 1917).

Поэт, будто потерявший чувство контроля над своими деяниями революционер, побуждает народ к жестокой расправе над побежденными угнетателями, зовет оскорбленный, изнуренный бесконечными притеснениями, ссылками и арестами народ покарать оставшихся безнаказанными чиновников, помещиков, служивших некогда всесильной власти царской России. Для этого используется такой синтаксический прием, как словесные повторы в начале строк — анафорические словосочетания: biraq! Biraz — "брось! Пусть немного", которые придают стихотворению особую художественную выразительность. Поэт использует анафорическую строфу в комбинации со звуковыми повторами — аллитерацией и ассонансами. Изливая желчь крайней неприязни к своему недоброжелателю с помощью организованно вспыхивающих в начале строки и в конце угасающих гласных [a], [ı], [i], [u], [ü] и согласных [b], [r], [q], [z], [d], [n] звуков, как бы создает чувственный образ "б-б-р-р-ю-ю-з"гливости. Накаленная, испепеляющая все вокруг обстановка, создаваемая автором при артикуляции заключительного четверостишия, "озвучивает" жуткую картину: разъяренная свора собак, которая с лаем, рыком обступив свою изнеможденную жертву, готова разорвать ее на части.

Повторы довольно часто встречаются в поэтических произведениях Джемиля Керменчикли, и не только в филиппических речах. Это рефрен и анафора, о которых мы уже говорили, а также тавтология, параллелизмы, лексические повторы в пределах одной строки или строфы, лексические повторы, использующиеся как на протяжении определенного стихотворения, так и на протяжении всего литературного цикла поэта.

Попытаемся классифицировать некоторые из них по различным ситуативно-смысловым оттенкам.

Анафора делится на:

1) отмечающую характерные признаки исторического прошлого этнического социума:

"*...O ecdad ki, ata binse, dağ-taş dimez aşardı; O ecdad ki, sevdigi sey — temiz yürek, doğrı söz; O ecdad ki, cavurı keñ, boynı qısa ve qalın,* / Yaltıravuq közlerinden saçılır ateş, yalın..." [6, с. 59; 18] —

"*...Он тот предок, что, вскочив на коня, не*

оставлял камня на камне; Он тот предок, что преклонялся перед чистым сердцем и верным словом; Он тот предок, что имел широкие плечи, короткую и толстую шею, / Из глаз блистающих своих проливал огонь и пламя...";

2) побуждающую к незамедлительному действию:

"*...Tatar, neçün baş üstüñde dalğalanmay kök sancaq; Tatar! Ur, yıq, urul, yıqıl, devir, devril, yine qalq...*" [6, s. 83; 26] —

"*Татарин! Отчего над головой у тебя не развевается голубое знамя; Татарин! Бей, вали, бейся, падай, вороти, [будь] повергнут, вставай вновь...*";

3) изобличающую схоластические настрои в стенах национальных учебных заведений той эпохи:

"*...Nerde qaldı o nizamsız mektebler, / Nerde qaldı o vicdansız kötekler, / Nerde qaldı o muallim efendi,* / Baş ucunda tayağı bekler..." [6, s. 102; 22, s. 74 — 75] —

"*...Куда подевались те беспорядочные школы, / Куда подевались те бессердечные побои, / Куда подевался тот господин-учитель?!.* / Стоящий над головой с палкой в руке?!.";

4) указывающую на чрезвычайное положение в обществе; предостерегающую:

"*...Tatar oğlı! Baq, şu harab mezarlığa bir düşün!; Tatar oğlı! Sende ise ne qılınç var, ne qalem!; Tatar oğlı! Büyüklerden saqın imdad bekleme...*" [6, s. 59 — 61; 18] —

"*...Сын татарина! Посмотри на это осквернённое кладбище, одумайся!; Сын татарина! У тебя же нет ни пера, ни сабли!; Сын татарина! Ни в коем случае не ищи помощи у владык влиятельных...*".

Отмеченные единоначалия в стихотворениях поэта выражают высокий стиль духовного наставника, заставляют реципиента задуматься над своим будущим и принять верное решение в пользу светлого будущего Отчизны.

Тем же способом можно классифицировать и лексические повторы, несущие свое особое предназначение в поэтическом контексте Джемиля Керменчикли. Вот некоторые вариации наиболее часто повторяющихся корневых слов или словосочетаний в его стихах:

1) qılınç — сабля, hukm — власть, qalem — перо:

"*...O zan itdi* (ecdat — Т. К.) *qıyamete qadar qılınç hükm ider, / Hiç dimeden qalem kelir, qılınçın hükmü biter; Tatar oğlı! Sende ise ne qılınç var, ne qalem; Elimdeki qırıq qalem ile ben gidiyurum...*" [6, s. 61; 18]; "Üç-beş yıldan beri mende, / *Qırıq qalemçigim elde...*" [6, s. 71; 23] —

"*...Он думал* (предок — Т. К.), *что [миром] до судного дня будет править сабля, / Несмотря на то, перо взяло свое — закончилось правление сабли; Эй, сын татарский! У тебя нет ни пера, ни сабли; Я иду со сломанным пером в руке...*". "Вот уже как несколько лет у меня, / *В руке сломанное перо...*".

2) millet — народ, tatar — татарин:

"*....Bilmem daha ne istersiz milletden; Yetişir bu milletin sayesinde,* / Taqındığıñız çeşid-çeşid unvanlar. / *Def ol gidiñ bu milletin başından; Nedir bu zavallı milletin suçı...*" [6, s. 67; 29]; "*Mazlum millet, qorqu ile sayıqlarken bunları,* / Qahramanlar aldı meydan, devirdi zalımları..." [6, s. 75; 25] —

"*...Я не знаю, что же вам надо от народа; Достаточно от имени народа / Навешали себе всяких чинов. / Сгиньте [прочь] от народа; В чем же виновен этот бедный народ...*"; "*...Угнетенный народ бредил ими в страшном сне,* / [Однако] пришло время отважных, они свергли тиранов...";

"...Yazmaq içün başta bize / Kerek temelli qaideler, / *Bundan soñ tatar sarfları...*" [6, s. 71; 23]; "*Ben tatarım, eñ küçük bir şeye ben köz yummam; Ben o tatarın oğluyım, keri almazdı sözüni; Ey tatarı seven, acıyan vicdanlar qorqmayın; Büyük tatarlığa virdigiñiz büyük andları,* / Namusıñız üzere virdigiñizi unutmayıñ; Qanı bozuq, qalbi çürük, yüzü qara babam olsa, / *Çıqsun tatar dünyasından, cehenneme yıqılsun*" [6, c. 81 — 83; 26] —

"...Для того, чтобы писать нам, сперва / Необходимы фундаментальные правила, / *После — татарская грамматика*"; "*Я — татарин, я не буду закрывать глаза [даже] перед мелочью; Я сын того татарина, который не отказывался от своих слов; Эй, любящие, сочувствующие татарину люди, не бойтесь;* Не забывайте / *Великие клятвы, которые вы с честью давали ради Великого татарства;* Если даже отец мой окажется с испорченной кровью, прогнившим сердцем и лицемером, / *То пусть покинет татарство и сгинет в ад...*".

3) mikrob — микроб, qan — кровь, dogmaq — рождаться, yasamaq — жить, olmek — умереть:

"*...Ey, zeherli mikroblar!..*" [6, s. 69; 30]; "*Ne çare ki, kündoğuşdan kelgen sarı mikroblar,* / Bu yemişler pişer-pişmez arasına soqulır; Küz kelgende yemişçiniñ beñzi-beti sap-sarı, / *Uzun, ince, sarı mikrob sağlamlaşır, semirir...*" [6, s. 57; 17]; "*Vir! mikroblara, yesünler cigerini, yüregini...*" [6, s. 75; 25] —

"*...Эй вы, ядовитые микробы!..*"; "*Что поделаешь, [эти] желтые микробы, пришедшие с Востока,* / Проникают в едва созревшие плоды; С приходом осени,

лицо торговца становится желтым, / *В это время крепнут длинные, тонкие, желтые микробы*; "*Отдай! микробам, пусть они пожирают его нутро...*";

"*...Şanlı mazi, qanlı tarih hepsi buña şahiddir,* / Baqıñız, bu harabeler hep o devre aiddir; Bu mezarlıq, bu harabe, bu tatarlıq, bu Qırım, / *Artıq senden bekleyur kendi içün qan, can, ölüm...*" [6, s. 59 — 61; 18]; "*Közine qan düşen asker, süngüsüngüye kele; "Havada qan, deryada qan, qarada qan, hep qan"* [6, s. 95; 20] —

"*...Славное прошлое, кровавая история — все напоминает нам об этом,* / Вы посмотрите на эти руины — это свидетельствует о тех временах; Это кладбище, эти руины, это татарство, этот Крым / *Ожидают лишь от тебя крови, жизни, смерти...*"; "Солдаты с *залитыми кровью глазами [от злобы] идут штык на штык; Небо в крови, река в крови, суша в крови — все в крови...*";

"*...Nerde büyük, ulu, ölmez namlı, şanlı o hanlar?*" [6, s. 61; 18]; "*Yaşav mümkün iken, ölmek de ne var?!. / Doğmaq, ölmek / Yine doğmaq, yine ölmek bittekrar*" [6, s. 79; 24]; "*Yaşa, yaşat, öl, öldir ne ister, söylesün halq...*" [6, s. 83; 26]; "*Söyle qardaş! Ne qazandıñ öldirmekden bir insan; Ne içün öldüriyursıñ, kim içün öliyursıñ?"* [6, s. 95; 20]; *"Biz oquvsız yine açdan ölmedik; Bu söz doğrı, biz açlıqdan ölmedik; Tek ölmedik, tek ölmedik, ölmedik..."* [6, s. 102; 22] —

"*...Где же [то] громадное, великое, бессмертное, именитое, славное ханство...*"; "*Ведь жизнь возможна, [так] чего же умирать?!. / Рождаться, умирать,* / *Рождаться и вновь умирать...*"; "*Живи, оживляй, умирай, и пусть люди говорят, что хотят...*"; "*Скажи, брат! Чего ты добился, убивая человека; За что ты убиваешь, ради кого ты погибаешь?..*"; "*Мы не умерли с голода оттого, что мы безграмотны; Да, это так, с голоду мы еще не умерли; Но только не умерли, только не умерли, умерли...*".

Приведенные примеры анафор и словесных повторов, встречающиеся в различных ситуативных вариациях в стихотворениях Джемиля Керменчикли, иллюстрируют характер мышления автора. На наш взгляд, с помощью анафор и отдельных лексических повторов поэт входит в интонационный диалог со своим читателем, пытается найти общий язык с народом. Здесь творческая мысль художника приобретает медитативный характер. Его глубокие размышления о дне грядущем переплетаются со стихией природной закономерности. Слова ***ölmek*** *(умереть)*, ***doğmaq*** *(рождаться)*, ***yaşamaq*** *(жить)*, составляющие единую парадигму, в словаре художника связаны образом *колеса* жизни. Для него смерть не значит конец жизни, наоборот, смерть в его понимании — это новое начало. Умереть — значит, начать жизнь заново. В философии Дж. Керменчикли прошлое (несмотря на то, что славное прошлое предков — ***ecdad*** занимает особое место в творчестве поэта) также ассоциируется с опустевшим, разрушенным кладбищем — ***harab mezarlıq***, темным, кровавым, смутным временем — ***qanlı tarih***.

Таким образом, новое рождение народа, по мнению Джемиля Керменчикли находит начало в идеях революции, ради которых он готов умирать и вновь воскресать. Поэт с презрением относится и к прошлой жизни, и к тем, кто стремится удержать уходящее в забытье темное, невежественное *прошлое*. Поэтому в его частых словоупотреблениях ***qılınç hükm ider*** — "*властвование меча*" или ***nerde qaldı*** — "*где остались*" чувствуется и скорбь, и саркастическая ирония. Автор систематически использует их, выражая свое тяжелое душевное состояние, которое неоднократно подчеркивается преисполненными отчаяния словами ***qırıq qalem ile ben gidiyurum*** — *"я иду со сломанным пером"* или ***qırıq qalemçigim elde*** — "*в руках со своим бедным сломанным пером*". Образ сломанного пера возникает в послереволюционный период в Крыму, когда поэт осознает, что искренние надежды на революцию оказались банальной иллюзией. Главное орудие — ***qalem***, с помощью которого художник расчищал путь в блаженное будущее народа, оказалось непосильной ношей в его руках. Поэт проносит сквозь толщу истории это некогда всесильное орудие, тем самым демонстрируя свою непреклонную преданность народу — ***millet***, татарству — ***tatarlıq***. Он все еще пытается отгородить народ от инородных ядовитых микробов — *zeherli* ***mikroblar***, покушающихся на его устои, а следовательно, — на жизнь.

Выделенные нами парадигмы, *мигрируя* из одного поэтического произведения в другое, закрепляют лингвостилевые вкусы автора, фиксируя непоколебимость национальных культурных ценностей, хранящихся в его осознании. Нужно отметить, что эти слова-образы, имеют функцию структуризации и объединения произведений[8], созданных Джемилем Керменчикли на протяжении всей его творческой деятельности.

Наряду с лексическими повторами поэт употребляет и другие стилистические фигуры, например,

8 Эстетика. Теория литературы: энциклопедический словарь терминов / Сост. Ю.Б. Бореев. — М.: ООО «Издательство Астрель», 2003. — 575 с. — С. 299.

градацию. Таким образом, он создает эмотивный фон, насыщенный напряженным эмоциональным описанием явлений, наблюдаемых в жизни крымского татарина. Например, в стихотворении "Son söz" ("Последнее слово") можно выделить парадигматический ряд глаголов, передающий усиление императивной формы, обладающей значением убеждения в необходимости предпринимаемых действий:

"...Tatar! *Ur, yıq, urul, yıqıl, devir, devril, yine qalq,*
Yaşa, yaşat, öl, öldir ne ister, söylesün halq.
Yükselmek degilmi arzuñ? Ya neçün yükselmiyursuñ?
Eger yükselmek isterseñ, yere degil, kökke baq!" [6, s. 83; 26].

("Soñ söz", 1917).

Построчный перевод:

"...Татарин! *Бей, вали, бейся, падай, вороти, [будь] повергнут, вставай вновь,*
Живи, оживляй, умирай, борись, и пусть люди говорят, что хотят.
Разве не твоя мечта возвыситься? Так почему же ты не возвышаешься?..
Если хочешь возвыситься, [тогда] смотри не на землю, на небо!".

("Последнее слово", 1917).

Методом специального подбора динамически нарастающих заостренных по значению слов художник достигает высокой степени экспрессивности сюжета. Порой враждебность к апокалипсической хаотичности, сопровождающей его на протяжении всего творческого пути, может доводить до крайности. Он способен идти на решительные поступки ради достижения намеченной цели, используя элементы градации:

"...Qorqunç şemşek hiç
durmayub çaqarsa,
Her tarafı yıldırımlar yaqarsa,
Biñ yıl yağmur, burçaq, qar,
buzlar yağub,
Düşen seller ortalığı yıqarsa,
Yükselirim, alçalırım, batarım,
Yer altına kirsem, yine tatarım!"
[6, s. 85; 27].

("Tatarım", 1918).

Построчный перевод:

"...Если зарницы [по небу разольются]
ужасными огнями,
И молнией вокруг все будет сожжено,
Веками будут рушить вокруг
Дождь, град, снег, [и] сели...
Я буду падать, вставать, [снова] вязнуть,
Провалиться сквозь землю мне, татарин я!".

("Татарин я", 1918).

Экспрессивность является характерной чертой поэтического языка Джемиля Керменчикли. Поэт действует по своему этическому кодексу, который полностью соответствует революционной морали с ярко выраженным национализмом в патриотическом значении этого слова.

Изучая язык поэта, мы выявили его приоритетные стили: нейтральный и возвышенный одический стиль, сливающийся с насыщенными тонами язвительной филиппической речи. В творческом контексте Джемиля Керменчикли встречаются и элементы речи, присущие простому народному говору. Свидетельством тому служат слова и выражения *проклятий (qargışlar)* как специфического жанра крымскотатарского устного народного творчества. Некоторые *проклятия* имеют место и в ранее проиллюстрированных нами примерах филиппической речи.

В стихах художника также встречаются и отдельные сюжеты из крымскотатарской детской игры в считалки:

"...Seni "cahil" — diye mısqıl ideniñ
Bildigi baq nedir, Ğarplıya köre:
"*Çatra-potra, babam tavşan ketire,*
Bize qalmay, anam aşay bitire..." [6, s. 91; 28].

("Uçurımın başındayız". 1918).

Построчный перевод:

"...Называющие невеждой тебя, насмехающиеся.
Знания их, по сравнению с теми, кто с Запада:
"Чатра-потра, зайца принес мой отец,
Мама все съела, нам не хватило...".

("Мы на склоне обрыва", 1918).

Порой в поэтическом контексте Джемиля Керменчикли встречаются отдельные слова, присущие крымскому степному наречию. Например, *celke* (в *южн. диал.* yelke) — часть шеи ниже затылка. Или слово *cavur* — богоотступник, неверный (в *южн. диал.* yavur, gâvur). В контексте стихотворения слово *"cavur"* имеет второе значение — "плечи".

"...Zavallılar *celkesine* qurulan,
Üç yuz yıllıq hakimiyet yanıyor..." [6, s. 63; 19].

("Büyük yangın", 1918).

Построчный перевод:

"...Восседавшее [когда-то]
на шее бедолаг
Горит трехсотлетнее государство..."

("Великий пожар", 1918).

"O ecdad, ki *cavurı* keñ, boynı qısa
ve qalın,
Yaltıravuq közlerinden saçılır ateş, yalın...." [6, s. 59; 18].

("Büyük bayram şerefine", 1917).

Построчный перевод:

"Он тот предок, что имеет широкие плечи, короткую и толстую шею,
Из глаз блистающих своих проливал огонь и пламя...".

("В честь великого празднества",1917).

Эти и другие примеры индивидуального стиля Джемиля Керменчикли позволяют сделать следующие выводы:

1) поэт больше тяготеет к нейтральному книжному стилю, нежели возвышенному и просторечию. В выборе своего языка, Джемиль Керменчикли опирается на весь тюркский мир, а не на отдельную какую-либо географическую широту расположения определенного тюрко-язычного мусульманского этноса. Он мыслит глобально, считая, что язык, как и все проблемы, возникающие на фоне социально-экономических и политических разладов в обществе тюрко-язычных мусульман, должен быть единым для всего тюркского мира. Поэт не пытается изобрести новый язык, как это делают его соратники по перу. Он следует заповедям своего духовного наставника И. Гаспринского.

2) Дж. Керменчикли питает свое творчество идеями предводителей новой турецкой литературы — Ибрагима Шинаси, Намыка Кемаля и других последователей культурных реформ в Турции. Однако в отличие от своих соплеменников поэт не ввергается в пучину фанатичного отстаивания какой-либо языковой идеологии, напротив, с помощью стамбульского наречия старается поведать всему миру о своей национальной гордости "Tatarlıq — Millet" ("Татарство — Народ"). Это именно то, к чему он стремится в течение всей творческой деятельности. Свидетельством тому служит широкий арсенал лексических средств, которые поэт использует в своем творчестве. Это так называемые мигрирующие, то есть перемещающиеся из одного произведения в другое, лексические повторы. Они помогают нам выявить лексический фонд, присущий лишь *характеру* произведений Джемиля Керменчикли.

3) широко используемые поэтом экспрессивные лексические средства, насыщенная гиперболизация, резкая филиппическая речь призваны быть в поэтической материи автора рецептором эстетической категории порочного и идеального.

4) стихотворения Джемиля Керменчикли ассоциируются с историческим вестником, в котором он повествует как о прошлом, так и о настоящем своего народа. К примеру, это стихотворения, представляющие общую картину анархического состояния имперской России, ее неуклонные попытки захватывать чужие территории, с последующим искажением их истории и вытеснением, а часто и выселением, автохтонного населения. В таких стихотворениях, как "Buyük yanğın" ("Великий пожар"), "Buyük bayram şerefine" ("В честь великого празднества"), художник употребляет следующие географические названия: *Rusiye — Россия, İran — Иран, Astr-han — Астрахань, Qazan — Казань, Qırım — Крым.* Или *Qavqaz — Кавказ, Tuna — Дунай, Istanbul — Стамбул, Japon — Япония* и другие. Посредством их поэт в своих летописях фиксирует различные исторические события, имеющие место в прошлые столетия. Например:

"...Üç yuz yıllıq hakimiyet yanıyur; / Ğururından arslan kibi hırlayan, / Közleri ta *İstanbula* fırlayan, / *Aya-Sofiya camini* horlayan, / Merhametsizler tutaştı, yanıyur; / *Buhara-i Şerif, İran, Astr-han, / Qazan, Qırım, Qasım, Qavqaz, Noğay-han* / Bu yüzden olmuştı yer ile yeksan..." [6, s. 63; 19] —

"...Горит трехсотлетнее государство; / Рыком заключая заносчивость льва, / В *Стамбул* проникали алчные взгляды, / В муках терзали *Ай-Софию* — мечеть, / Пылают, горят черствые души; / *Иран, Бухара, Астрахань, / Казань, Крым, Касым, Кавказ, Ногай* / Прахом сравнялись волею их...".

К словам-реалиям можно отнести и употребления терминов, присущих учению об Исламе. О них мы неоднократно упоминали в процессе анализа поэтических текстов Джемиля Керменчикли. Поэт использует также военную лексику. Это наименования военного арсенала: *top — ядро, tufenk — ружье, bomba — бомба, srapnel — шрапнель, kartec — картечь, qursun — пуля, pulemöt — пулемет.* Вот некоторые примеры таких слов в контексте:

"...Asker qatdı uyquda iken, qopıyor qıyamet, / *Top, tüfenk, bomba, şrapnel, karteç, qurşun, pulemöt.* / Bir tarafdan atlı asker, bir tarafdan piyade. / Hücumın şiddeti artıyor ketdikçe ziyade..." [6, s. 93; 20] —

"...В то время как крепко спал солдат, поднялся грохот, / *Ядра, ружья, бомбы, шрапнели, картечь, пули, пулеметы.* / С одной стороны солдаты на конях, пешие

— с другой, / С каждым разом все больше и больше ужесточается битва...". Богатый лексический арсенал военных терминов характеризует в поэтическом тексте специфику реальных военных действий.

Перечисленные нами часто употребляемые примеры слов-реалий также можно отнести к одной из примет творческой индивидуальности художника, так как они являются неотъемлемой частью его методов оповещения исторической хроники. Еще одним отличительным свойством поэтического стиля Джемиля Керменчикли является то, что в большинстве случаев (как это показывают примеры его стихотворений, приведенные нами выше) данные историзмы и наименования военных аксессуаров перечисляются художником в бессоюзном предложении посредством знаков препинания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Азиз шеитимиз Амди Гирайбайнынъ "Къырым тарихы" диссертациясынынъ иляveси: Къырым эдебиятына бир бакъыш // Йылдыз. — 1995. — № 3. — С. 18 — 20.

2. ***Виноградов В.В.*** Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. Избранные труды. — М.: Наука, 1990. — 388 с.

3. ***Гарбузова В.С.*** Поэты Турции XIX века. (Очерки жизни и деятельности). — Л.: Издательство Ленинградского университета, 1970. — 114 с. — С. 35.

4. ***Жирмунский В.М.*** Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. — Л.: Наука, 1979. — 491 с.

5. ***Жирмунский В.М.*** Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л.: Наука, 1977. — 404 с.

6. ***Керменчикли Джемиль.*** Ма-бих-иль ифтихарым — къырымлыкътыр меним гъурурым. Макъалелер ве шиирлер джыйынтыгъы / Тертип этиджи Т.Н. Киримов. — Акъмесджит: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2005. — 135 с.

7. ***Кулаков В.*** Поэзия как факт. Статьи о стихах. — М.: Новое литературное обозрение, 1999. — 400 с.

8. ***Кямилев Х.*** Общественные мотивы в турецкой поэзии. (Конец XIX — середина XX века). — М: Наука, 1969. — 185 с. — С. 8.

9. О языке художественной литературы: Учеб. пособие для филол. спец. вузов / Сост. Т.Г. Винокур; предислов. В.П. Григорьева. — М.: Высшая школа, 1991. — 448 с.

10. ***Потебня А.А.*** Теоретическая поэтика / Сост., вступ. ст., коммент. А.Б. Муратова. — М.: Высшая школа, 1990. — 344 с.

11. ***Самойлович А.Н.*** Опыт крымскотатарской грамматики: Общая характеристика крымскотатарских разговорных наречий и письменного крымскотатарского языка. — В кн.: Самойлович А.Н. Избранные труды о Крыме: Сборник / Ред-сост. Е.Г. Эмирова; вступ. статья А.А. Непомнящего. — Симферополь: Доля, 2000. — 296 с.

12. ***Устюгова Е.Н.*** Стиль и культура: Опыт построения общей теории стиля. — 2-е изд. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2006. — 260 с. — С. 10.

13. ***ХазиевВ.Е.*** Теория литературы: Учебник. — М.: Высшая школа, 2005. — 405 с.

14. ***Çoban-zade B.*** Kırımtatar edebiyatında Kurultaycılık ve milletçilik. — Bakı: Azerbaycan İlmi tedkik institutu neşriyatı, 1929. — 38 s. — S. 14.

15. ***Hikmet Hanoğlu R.*** Halk edebiyatı, Tercuman ve zamanımız edebiyatı devirleri // Emel. — 1962. — № 13. — Kasım. — S. 20 — 21.

16. ***Kabaklı A.*** Türk edebiyatı. Cilt 3. Gözden geçirilmiş Onikinci Baskı. — İstanbul: Aydoğdu Ofset, 2004. — 848 s.

17. ***Kermencikli C.*** Bizim bağça. Şiir // Yeşil ada. — 1920. — № 1. — apr. 15. — S. 7.

18. ***Kermencikli C.*** Büyük bayram şerefine // Millet. — 1917. — noyab. 3.

19. ***Kermencikli C.*** Büyük yanğın. Şiir // Millet. — 1918. — iyul. 31.

20. ***Kermencikli C.*** Cenk meydanı. Şiir // Millet. — 1917. — iyul 6.

21. ***Kermençikli C.*** Esami cedveli yerine şiir. Şiir // Millet. — 1917. — sent. 11.

22. ***Kermençikli C.*** Eski mektebler. Şiir / H. Odabaş ve H. Hacı Hasan. Türk tatar tili. Birinci bölüm. Qırımtatar edebiyatından örnekler. — Aqmescit: Qırım Maarif Komisarlığı neşriyatı, 1923. — 98 s. — S. 74-75.

23. ***Kermencikli C.*** Öz tilimiz. Şiir // Millet — 1918. — noyab. 20.

24. ***Kermencikli C.*** Sen olme, dog. Şiir // Millet. — 1917. — Okt. 3.

25. ***Kermençikli C.*** Sevin, ey, şanlı millet! Şiir // Terciman. — 1917. — mart 16.

26. ***Kermençikli C.*** Soñ söz. Şiir // Millet. — 1917. — iyün 27.

27. ***Kermençikli C.*** Tatarım. Şiir // Millet. — 1918. — avg. 2; okt. 16.

28. ***Kermencikli C.*** Uçurımın başındayız. Şiir // Millet — 1918. — avg. 8.

29. ***Kermençikli C.*** Vatan hainlerine qarğışlarım. Şiir // Millet. — 1917. — sent. 28.

30. ***Kermençikli C.*** Vatanımdan çıq! Şiir // Millet. — 1918. — iyül 28.

31. ***Kırımlı H.*** Kırım Tatarlarında milli kimlik ve milli hareketler (1905 — 1916). — Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1996. — 296 s.

32. Türk dünyası edebiyatı. Cilt. I. — Ankara: Aydoğdu ofset, 2002. — 313 s.